ОЛЬГА ЛИПНИЦКАЯ
НИКИТИЧ
Игры взрослых мальчиков

Ольга Липницкая

Никитич. Игры взрослых мальчиков

Серия «Майор Никитич», книга 8

https://litres.ru/74661189
SelfPub; 2026

Аннотация

– Чибис Юрий Петрович?

Ленка вскочила первой. Резко. Будто от удара. Оглянулась, прижала руки к груди.

– Я, – Чибис поднялся медленно, поворачиваясь. – В чем дело?

Человек в форме даже не сделал шага вперед.

– Вы задержаны по подозрению в убийстве Олега Зарядьева.

Слово «убийство» прозвучало в комнате чужим. Неподходящим. Неуместным.

– Убийстве? – Чибис нахмурился. – Каком убийстве? Я сам его ищу. Он же пропал.

– Есть основания полагать, что пропажа инсценирована, – спокойно ответил следователь. – А потерпевший убит.

– Это – голос у Чибиса сорвался. Он кашлянул. – Это бред.

– Разберемся, – скривился человек в форме и попробовал подхватить Чибиса под локоть.

– Андрей! – не выдержала Ленка. – Андрей, сделай что-нибудь.

Никитич встал, сделал шаг вперед Он уже тогда знал, что все началось в День рыбака.

Содержание

Пролог 5
Глава 1 7
Глава 2 19
Глава 3 23
Глава 4 28
Глава 5 35
Глава 6 43
Глава 7 55
Г 66
Конец ознакомительного фрагмента. 67

Никитич. Игры взрослых мальчиков

Пролог

– Чибис Юрий Петрович?

Ленка вскочила первой. Резко. Будто от удара. Оглянулась, прижала руки к груди.

– Я, – Чибис поднялся медленно, поворачиваясь. – В чем дело?

Человек в форме даже не сделал шага вперед.

– Вы задержаны по подозрению в убийстве Олега Зарядьева.

Слово «убийство» прозвучало в комнате чужим. Неподходящим. Неуместным.

– Убийстве? – Чибис нахмурился. – Каком убийстве? Я сам его ищу. Он же пропал.

– Есть основания полагать, что пропажа инсценирована, – спокойно ответил следователь. – А потерпевший убит.

– Это… – голос у Чибиса сорвался. Он кашлянул. – Это бред.

– Разберемся, – скривился человек в форме и попробовал подхватить Чибиса под локоть.

– Андрей! – не выдержала Ленка. – Андрей, сделай что-

нибудь.

Никитич встал, сделал шаг вперед… Он уже тогда знал, что все началось в День рыбака.

Глава 1

– Хорошо бы налима взять…

Голос Никитича звучал над водой тихо и ровно. Река в этот час была сонная: шевелились камыши, в заводи булькала рыба, у берега деловито шебуршали утки.

Никитич сидел на корточках рядом с дочерью и держал ладонь над ее маленькими пальцами, сжимавшими удочку.

– Окунь тоже ничего. Но налим – это, Женечка, зверь серьезный. Его нахрапом не берут.

Женечка не ответила.

Чернявая, темноглазая, с упрямыми бровками и таким серьезным лицом, будто ничего важнее поплавка сейчас не было, она шмыгнула носом, высунула от усердия кончик языка и вся подалась вперед.

Поплавок едва дрогнул.

– Ти-и-ише, – рокотал Никитич склонившись в ровно такой же позе и с таким же азартом. – Не спе-еши-и-и… Рыбу лишний раз не дергай! А то уйдет! Сейча-а-ас, еще секу-у-у…

Женечка даже дышать перестала.

И в эту святую, рыбацкую, почти церковную тишину с пригорка ворвалось:

– А-а-а-а-а-а-а!

Никитич успел только подхватить Женечку вместе с удоч-

кой.

Сверху, с разбегу подпрыгивая на кочках и разбрасывая в стороны мокрую траву, к реке летела старая садовая тележка. В тележке сидела Златка – златовласая, восторженная, вся в солнечных бликах и с полным отсутствием инстинкта самосохранения.

За тележкой неслись трое старших Соколовских.

– Да что б вас!

Никитич рванул вперед.

Вода брызнула ему до пояса. Тележка, скрипнув, клюнула передним колесом в реку. Златка завизжала…

Ровно за секунду до погружения, Никитич ее выхватил и прижал к себе.

Так и замер: по колено в воде, в одной руке Женечка с удочкой, в другой – мокрая от брызг, сияющая Златка.

Тележка, обиженно булькнув, пошла ко дну.

На берегу стало тихо.

– Упс! – втянул голову в плечи Сашка.

– Сматываемся, – прошептал одним уголком рта Лешка.

– Поздно, – обреченно выдохнул Мишка.

Никитич медленно повернул голову.

Очень медленно.

Трое сыновей сразу стали ниже ростом.

– Сила есть, – тихо сказал Никитич, – а ум где?

На берегу повисла тяжелая тишина: мальчишки… Да что мальчишки… Даже утки в камышах притихли! Даже жив-

ность в траве замерла…

Только вот не умел Никитич на своих детей злиться. Совсем не умел.

Шумно выдохнул, посмотрел на Златку. Та улыбалась во весь рот и качала ногами, завороженно глядя туда, где скрылась тележка.

– Все в мать, – пробормотал он.

Непонятно только – с гордостью или с ужасом.

Женечка хмурилась. Только вот смотрела она не на братьев. Не на Златку. На поплавок. Точнее, на то место, где он только что был.

Ее рыбалку сорвали.

Это было серьезно.

– Та-а-ак, – протянул Никитич уже громче. – За мной. Шагом марш.

Он выбрался из воды, поставил девчонок на землю, поднял удочку с оборванной леской и еще раз оглянулся на реку.

То ли по тележке скорбел.

То ли по налиму.

То ли по собственным надеждам на спокойное утро.

– Домой, – сказал он.

И пошел.

Следом, уже привычно выстроившись по алфавиту, засеменили Сашка, Лешка и Мишка. За ними – две сестры, взявшись за руки.

Женечка шла молча, насупившись.

Златка, хрупкая, светлая, любимая всей семьей и, по ее собственному убеждению, всей вселенной, заглядывала сестре в лицо и подлизывалась, как котенок:

– Ну Зенечка… ну пласти… Ну зато как здолово катились! Ну весело же! А потом телезку выловим. А потом лыбу поймаем. А хочешь, я тебе свою ленточку дам? Красную. Самую класивую.

Она болтала, болтала и болтала.

Будто за двоих.

А чернобровая Женечка только плотнее сжимала губы.

.

***

– А, мальчишки с тобой! – выглянула в окно Марийка. – Хорошо. А то я уже волноваться начала.

Никитич только крякнул.

Промолчал.

Шестеро детей – это не семья. Это отдельный род войск.

Когда у них с Марийкой в первую беременность получилась тройня, Никитич впервые подумал, что в горячих точках, в сущности, было тихо, спокойно и даже местами уютно.

Потом родился четвертый.

Женя.

Евгений Андреевич. Нормальный пацан. Вон сидит за столом, рисует трактор и почему-то козу.

Но Марийка хотела девочку.

Очень хотела.

В ту ночь, когда на крыльце Соколовских появилась корзинка с подкидышем, Никитич впервые всерьез задумался, что все шутки про Марийку-ведьму, может, и не совсем шутки.

Потому что девочка у них появилась.

По итогу целых две.

Можно сказать, ветром надуло.

– Эти архаровцы Златку чуть не утопили, – сообщил Никитич, входя в кухню.

С него капала вода. С Златки тоже. Женечка была сухая, но обиженная.

– В смысле? – Марийка вскинула брови.

– Она сама! – немедленно завопил Сашка.

– Мы чуть-чуть, – жалобно сказал Лешка.

– Не топили, а катали, – строго уточнил Мишка.

– Она же отлично плавает, – пожала плечами Марийка.

Никитич посмотрел на жену.

Потом на Златку.

Потом на трех сыновей.

Потом куда-то в потолок, где, видимо, по его расчетам, должен был находиться главный штаб небесной канцелярии.

– Скоро школа, – пробормотал он словно молитву.

Потом наклонился к Женечке.

– Так, мы ко дню рыбака готовиться! – поднял он малышку на руки. – Пошли, дочь. Удочку починим да припрячем. Мы еще своего налима возьмем.

Поудобнее усадил ее на предплечье…

Кажется, только тут серьезная Женечка улыбнулась и прильнула к отцовской бороде, как к чему-то самому мягкому на свете.

.

***

– О как он с ней! – тихо сказала Ленка Чибис.

Женщины стояли на большой кухне деревенского дома и смотрели во двор, где Никитич нес Женечку на руках, а та держалась за него так спокойно, будто это самое правильное и самое важное в ее жизни.

– Слушай, Марий… она на него прям похожа.

Ленка сказала и тут же осеклась.

Марийка повернула голову.

Медленно.

– Ой! – Ленка сразу выставила ладони. – Я не то! Я совсем не то! Я про то, что он с ней… ну… возится.

– Внимания она требует, вот и возится, – буркнула Марийка.

Но взгляд ее остался на муже и дочери.

Женечка молчала. Уже слишком долго молчала.

Сначала все говорили: «Да маленькая еще».

Потом: «Да у каждого свой срок».

Потом: «Да кто ж ее знает, что там в роду».

А теперь все чаще спрашивали тише. Сочувственнее.

– Так и не говорит?

Марийка сжала чашку.

– Ни бе, ни ме.

Голос дрогнул, и она сама на себя разозлилась за эту дрожь.

– Марий… – Ленка замялась. – Ну ты это… Только не ругайся.

– Уже интересно, – поджала губы Марийка и, как ей казалось, угадала, что последует дальше.

– Ты ж… ну… ведьма.

Марийка закрыла глаза.

– Ленка…

– Ну а что Ленка? – всплеснула руками жена Чибиса. – Ты мне Юрку нагадала? Нагадала. Прямо в лесу его и нашла. Живого. Богатого. Неженатого. То есть женатого теперь на мне.

– Я тебе не Юрку нагадала, а мозги на место поставила.

– Так поставь ей речь на место! Че! Ну как это? Отшепчи!

– Ленка! – рявкнула Марийка.

Так рявкнула, что Женя в комнате подпрыгнул и пририсовал козе третий рог.

Ленка виновато поджала губы.

– Ну все! Молчу. Не ведьма ты. Обычная женщина. Просто карты у тебя ведьмовские.

Марийка фыркнула, но тут же отвернулась к окну.

Никитич уже скрылся с Женечкой за сараем.

– Я не знаю, что делать, – тихо сказала она.

И от этой фразы Ленка перестала улыбаться.

Марийка Соколовская, деревенская ведьма, провизор, мать шестерых детей и женщина, способная одним взглядом заставить деревенского ловеласа стать примерным семьянином, сказала: не знаю.

Значит, дело было серьезное. Сложное.

– К логопеду ездили? – спросила Ленка.

– Записались.

– А к неврологу?

– Были.

– И?

– Говорят, смотреть в динамике.

– Это как?

– Это когда ничего не знают, но умный вид делают.

Ленка вздохнула.

Подруги помолчали.

Каждая о своем и об общем разом.

– Марий, зайди ко мне в гости. На чай.

– В смысле? – Марийка повернулась.

Они и так сидели у нее на кухне. Пили чай. Ели пирог. Ленка вообще могла приходить без повода, с поводом и вместо повода.

Значит, дело было не в чае.

– Лен.

– Да ничего.

– Лен.

– Ну правда ничего.

– Чибисиха.

Ленка поморщилась.

– Да мужик к нам приехал мутный, – выдохнула она наконец.

Марийка медленно поставила чашку на стол.

– Какой мужик?

– Олег Зарядьев. Юркин знакомый. Из клуба этого их делового. Бизнесмен. В компаньоны набивается.

– А Юра?

– А Юра специально его привез, чтобы я посмотрела. Говорит, по бумагам чистый. Даже слишком. Вдоль и поперек проверил. Придраться не к чему.

– А что тебе не нравится?

– Нам не нравится, – поправила Ленка. – Обоим.

Она перешла на шепот, хотя в кухне, кроме них, был только Женя, занятый вооруженной козой.

– Они вроде в одной сфере работают. Но до сих пор не пересекались. А Олег этот как узнал, что к нам бабы московские на экофермы ездят клубнику жрать, так сразу стал в гости набиваться. Мол, деревня, природа, настоящая жизнь. А сам смотрит так, будто все уже купил, только цену еще не сказал.

Марийка нахмурилась.

– Лен, я в Юркиных делах ничего не понимаю.

– В Юркиных не понимаешь, зато в людях понимаешь, –

отрезала Ленка. – Он улыбается – а мне хочется кур пересчитать. Понимаешь?

Марийка понимала.

Ленка в девичестве была лучшей птичницей Верхних Долов. Птица – существо бессловесное. У нее на морде ничего не написано. Чтобы понять, здорова курица или задумала помереть назло хозяйке, надо замечать мелочи: как голову держит, как лапу ставит, где клювом стучит, как квохчет.

Ленка это умела.

Людей она читала примерно так же.

И если Ленке хотелось пересчитать кур после улыбки московского бизнесмена, это была не бабья впечатлительность. Это была диагностика.

– Что он сделал? – спросила Марийка.

Ленка передернула плечами.

– Да вроде вечно счастливый, всем довольный, но то лазит по саду непонятно зачем, то коснуться как-то странно пытается. То темы какие-то липкие заводит. Про Юрку расспрашивает. Про меня. Про дом. Про дочь. Вчера говорит: «А чего это у вас дочка только одна?» Потом на Юрку так посмотрел и добавил: «Я хотел сказать – у Лены только одна». И смеется.

В кухне повисла пауза.

Не неловкая.

Опасная.

Марийка медленно запахнула платок на груди, как перед

боем.

– Юра что?

– Юра улыбнулся. Вежливо. Потом ночью не спал. Ходил по дому, как медведь в клетке. Аж рычал.

– А этот?

– А этот сегодня из города с водителем вещи выписал. Погостить. На пару дней.

Марийка посмотрела в окно.

Во дворе Никитич сидел на лавке, чинил удочку. Женечка стояла рядом и подавала ему какие-то мелкие железки. Молча. Серьезно. Почти по-взрослому.

– На пару дней, значит, – повторила Марийка.

– Ага.

– И тебе спокойно?

– Вот если бы спокойно, я бы у тебя пирог ела, а не душу выворачивала.

Марийка кивнула.

– Зовите его на День рыбака.

– Кого?

– Мутного своего.

Ленка моргнула.

– Зачем?

– Посмотрим, как он среди людей держится. В деревне, Лен, человек быстрее проявляется.

– День рыбака же в эти выходные.

– Вот и хорошо.

Ленка подумала, потом медленно улыбнулась.

– Вся ж деревня будет у реки…

– Ну мы ему и проверочку устроим, – повела бровью Марийка, – гостю вашему…

– Ведьма, – с уважением сказала Ленка.

– Психоаналитик опытный, – поправила Марийка.

Но в окно смотрела уже тревожно.

Женечка вдруг подняла голову и посмотрела прямо на нее.

Будто что-то поняла.

Но ничего не сказала.

.

Глава 2

Ко Дню рыбака в деревне готовились все.

Каждый, как мог.

Никитич как раз ушел к Чибисам, обсудить, как он выразился, «кое-какие детали».

Но, встретив излишне понимающий взгляд Марийки, распространяться о деталях не стал, подхватил из кладовки шмат сала копченого с чесноком и тихонько смылся к соседу.

А по Чибисовскому саду крались тени.

Низко. Сосредоточенно. Почти профессионально. Явно с умом и со знанием дела обходя все посты охраны и все камеры…

Если бы не сбивчивый шепот, придушенный хохот и чьё-то предательское сопение, можно было бы подумать, что к забору подбирается диверсионная группа.

– Тута грядка, – шипел Сашка, выглядывая из травы на манер королевской кобры. – Сразу за крыжовником. Я тебе говорю – тута.

– Нет! – возмущенно пискнула юная Чибисенка. – Ту, что за крыжовником, мы уже съели. Надо дальше. К огурцам.

– Вот у тебя мать неугомонная, – проворчал Лешка. – Надо было ей огурцы сажать? Нет бы че вкусное.

– Это нам не вкусно, – рассудительно заметил Мишка. – А взрослым огурцы вкусно.

– Малинованные и нам вкусно, – мечтательно протянул младший Соколовский.

Группу замыкали Златка и Женечка.

Златка ползла с восторгом, изредка цепляясь платьем за траву и громким шепотом сообщая:

– Мы как лазветчики! Только садовые!

Женечка ползла молча. Серьезно. И так аккуратно, будто действительно проходила подготовку в закрытом разведывательном училище для маленьких упрямых девочек.

– Девки! – обернулся Сашка. – Вести себя тихо.

Златка немедленно кивнула и тут же повернулась к Женечке:

– Ты только ч-ш-ш-ш, слышишь? Не шуми. А то нас поймают.

Женечка посмотрела на нее долгим взглядом человека, который за всю операцию не издал ни звука.

Златка, довольная собой и сестрой, поерзав, снова уставилась в пятки брата.

Сашка тем временем приподнялся над травой, оглядел местность и поднял руку.

– Так. До огурцов идем короткими перебежками. Я первый. Потом Надька. Потом Мишка. Лешка прикрывает тыл.

– А девочки? – спросила Надька.

– Девочки… – Сашка задумался. – Девочки морально поддерживают.

Женечка вдруг замерла.

Не испугалась. Не дернулась. Просто перестала ползти и подняла глаза к дому.

На стене под крышей тихо мигнула красная точка камеры.

Женечка потянула Сашку за штанину.

Тот отмахнулся.

– Потом. У нас операция.

Женечка потянула сильнее и показала пальцем.

Сашка посмотрел.

Красная точка мигнула еще раз.

– Охрана! – взвизгнула Надька, вообще не туда посмотрев. – Драпаем!

И вся диверсионная группа, забыв и про огурцы, и про честь, и про короткие перебежки, с хохотом, писком и топотом рванула в разные стороны.

На то место, где они только что лежали, вышел крупный мужчина в защитных штанах и футболке.

Вышел не спеша.

Картинно замер.

Демонстративно оглядел сад.

Потом поднес рацию ко рту и очень серьезно сказал:

– Шеф, нападение отражено. Противник деморализован. Потери: одна клубничная грядка. Огурцы спасены.

А в доме, перед экраном камер наблюдения, Чибис с Никитичем смеялись до слез, до икоты, до покосившихся стульев.

– Старший-то точно в тебя пошел! Ишь! Командир! –

шутливо ткнул в бок друга Юрка Чибис.

– Они все в меня! – довольно посмотрел на стоп-кадр Никитич.

– Особенно Златка! – заржал боевым жеребцом Чибис.

– А че? – вскинулся Никитич. – Хочешь сказать, не похожа?

И громкий мужской смех снова взорвал тишину вечернего дома.

Мужики, как могли, обсуждали рыбалку и планы на выходные.

.

Глава 3

– Значит так! – Чибис разрубил рукой воздух. – Это дело для настоящих мужчин! – он строго посмотрел на жену с Марийкой. – Поэтому я иду с Надей, а Никитич с Женечкой.

Отвернулся, довольный, как человек, который все решил и все сказал.

Девочки молчали, но при этом очень напряженно сопели.

Женщины лениво переглянулись.

– Ну, тогда, значит, я с Сашкой и Мишкой, – протянула Марийка. – И посмотрим, кто больше поймает! – улыбнулась она очень ехидно.

– Марийка, ты ж опарышей боишься! – обиженно засопел Никитич.

– Зато ж мои сыновья не боятся! – довольно вскинула голову она.

Сашка и Мишка, услышав мать, довольно выпрямились!

Лешка, пару секунд подумав, тоже.

Деревня готовилась к Дню рыбака.

Уже недели с три мужики налаживали удочки, выбирали самую правильную блесну и починяли лодки.

Пацаны лазили по камышам, пытаясь срезать себе самую длинную и самую толстую рогозину. Чтобы, значит, с берега, но подальше.

Бабы ругались на своих стариков за стащенную птичью ка-

шу, все червяки в испуге попрятались вглубь грядок, от чего куры ходили расстроенные, а окружные магазинчики озолотились на привозных опарышах.

Каждый хотел выиграть.

– А спиннинг, значит, нельзя? – недовольно шмыгнул носом Михайловский.

В их семье назревал некрупный, по меркам господ миллионеров, скандал. Оказалось, что из той шайки-лейки больше всего любит рыбалку Людка!

Рыжий скандальный ураган, все сметающий на своем пути! Она уж если бралась за дело, то с таким жаром и яростью, что никому другому шанса не оставалось.

Вот только одно но.

Муж ее, Константин Домбровский, рыбалку тоже любил.

Михайловский не то чтобы любил, но не мог позволить другу себя переиграть.

И только Ирма Михайловская отнеслась к празднику спокойно и философски. Достала с чердака старенькую удочку и, ни с кем не споря, подхватила старшую дочь и ушла на реку.

Это был контрольный удар.

Потому что и Домбровский, и Михайловский рыбачить-то рыбачили. С подводными ружьями в теплых водах Красного моря.

Несколько лет назад они просили Никитича устроить им рыбалку обычную, речную, но это развлечение закончилось

так, что удочки-то с той поры и не трогали.

И вот сейчас, когда на кону была репутация на всю деревню, голоса у господ миллионеров подрагивали.

Дарья Сергеевна Раскова – ударение строго на «о» – как главный воспитатель всех Верхних Дол уговорила мужа устроить мастер-класс по рыбалке для всех желающих детей.

Дарья Сергеевна рассчитывала на ребятню от трех до пяти, потому как с пяти-то на реке уже сами ловили. Но, к ее удивлению и восхищению, в их маленьком дворике собралась с удочками, кажется, вся верхнедольская малышня.

Острым, наметанным воспитательским взглядом Дарья Сергеевна разделила детей на тройки, строго соблюдая, чтобы в каждой группе был мальчик старше десяти лет, составила список команд и повела детей на протоку.

Кот Майор, сонно сидевший на заборе, лениво спрыгнул и не спеша потелепал за одной из троек.

Евген Расков, глядя на это, недовольно крякнул. Сразу стало понятно, на кого кот поставил. Какая уж тут честность?!

Уже без малого месяц основные мысли верхнедольцев были о рыбалке.

Оно ж иначе никак. Когда тяжело работаешь, отдыхать тоже с душой надо. А что может быть душевнее, чем посидеть на берегу с удочкой! Да посмотреть, что сосед поймал меньше, а потом перестать считать и сдать всю рыбу в общий котел. Что на уху, что на решетку жарить, а что и кошкам…

В общем, из рядового развлечения устроила деревня самый настоящий праздник.

И сейчас во дворе дома Чибиса как раз обсуждали, кто из родителей с кем пойдет.

Почему-то версия семейных команд по принципу мама-папа-я не рассматривалась. Может быть, потому что у некоторых в семьях было я-я-я-я-я-я…

– Вы бы, бабоньки, лучше у котелков стали, – чуть недовольно проворчал Никитич. – Марийка, я лучше твоей ухи, кажется, и не ел, – пробормотал он, глядя в сторону.

Жена его, деревенская ведьмочка, довольно улыбнулась.

– А чего ты у ту уху бросаешь? – немного с наездом спросил Чибис. – Может, зелье какое приворотное?

– А то! Конечно! – уперла руки в бока Марийка. – Приворотное! И с женой твоей поделилась! Глянь-ка!

Кивнула она в сторону Ленки.

Тут же на любимую супругу удивленно посмотрел Чибис.

А Ленка растерялась, глаза распахнула и на полном серьезе протянула:

– Да-а-а-а?

И тут уж друзья не выдержали!

Захохотали тем самым примирительным смехом, который снимал все напряжение.

Марийка к мужу прильнула, прищурилась. Дескать, еще хвали.

Ленка растерянно села, но Чибис ее тут же за руку взял,

пальцы ее к своим губам притянул. Дескать, не против я, жена, что ты приворожила, давай еще.

И вдруг в этот самый теплый и нежный момент резко распахнулась дверь, и на пороге появился мужчина.

Красивый той пластмассовой красотой, которая не изнутри человека идет, а искусственно снаружи делается. Плечи широкие, прическа идеальная, выбрит гладко. И даже белая футболка, а поверх плеч, за рукава, пуловер повязан.

Хоть сейчас на обложку журнала.

Только вот в Верхних Долах этот красавчик смотрелся настолько неуместно, что во дворе дома Чибисов все резко замолчали.

А мужик, ни капли не смущаясь, перешагнул порог, сбросил с плеча сумку и еле заметно кивнул:

– Здрасьте!

.

Глава 4

Мужик вошел красивый. Вот правда красивый. Настолько красивый, что кажется, нос у пластических хирургов выправлял.

И улыбался широко, открыто.

И голос у него был приятный.

Только вот Майрика сразу смеяться перестала. Как-то вздрогнула, поежилась и чуть ближе к мужу подсела, машинально притянув самую мелкую Златку к себе на колени.

Женечка и так у отца на руках сидела.

А мальчишки, до того бодро болтавшие на диване, вдруг притихли. Причем так резко, что Ленка Чибис аж обернулась – вдруг там уже случился пожар, а она не заметила?

Но нет.

Пожара не наблюдалась.

Все взгляды были прикованы к вошедшему.

– Это Олег! – чуть с опозданием опомнился Чибис. – Прошу любить и жаловать! Мой одноклубник, в одной области работаем… – явно пытался найти подходящие слова Юрка.

– Да что там! – почти как родной улыбнулся тот самый Олег. – Считай, компаньон!

И звонко хлопнул Чибиса по плечу. От чего тот чуть пошатнулся и нахмурился.

– Приятно познакомиться! – поспешил протянуть руку

Никитич.

– Взаимно, – охотно стиснул лапищу майора щеголь. – А вы тоже в инвестициях?

– Почти, – скривился Соколовский. – Я в безопасности.

– А! Кибербезопасность! Очень перспективное направление! – обрадовался Зарядьев.

– Обычная безопасность, – чуть прищурился майор. – Не кибер, – руку городского красавчика он не отпускал, смотрел ему прямо в глаза. – Охранник я, – сознательно принизил себя Никитич.

Улыбка Зарядьева не исчезла. Нет. Она только на миг стала пустой. Как лампочка, в которой пропал ток, а спиралька еще светится по привычке.

– Охранник? – переспросил он. – Серьезно?

– Абсолютно, – сказал Никитич и не отпустил руку.

Женщины многозначительно переглянулись.

– Так, ладно! – подхватилась Марийка. – Поздно уже, а вы со своей рыбалкой завтра в пять утра все повскакиваете.

– В четыре тридцать, – почти в один голос произнесли тройняшки.

Майор обернулся, все же выпустил руку этого непонятного всем товарища.

– Ваньк, проводи нас, что ли! – окликнул он Чибиса.

И тот, хоть и был Юрий Петрович, тут же подорвался и пошел провожать.

Обычного охранника.

Как подумал его гость.

– Че скажешь? – едва закрыв за собой дверь, пристал к майору Чибис.

– Скользкий тип, – пробормотал майор, вытирая ладонь, – в глаза смотрит, а у самого зрачки бегают. И не сказать, что что-то в нем не правильно. Даже наоборот. Все слишком правильно!

Женщины промолчали, но обменялись красноречивыми взглядами. Кажется, между подругами все уже было сказано. Только Ленка раздраженно дернула подбородком, а Марийка повела плечом, словно что-то с себя стряхивала.

– Вот в том-то и вся фигня! – почти возмущенно воскликнул Чибис. – Есть в нем что-то такое, – скривился он, – что никак не могу заставить себя с ним работать! И не пойму почему.

– Да откажи, да и все, – недоуменно произнес майор.

– Не могу! – с досадой воскликнул Чибис. – Я его послать напрямую не могу, – уже тише фыркнул он. – Мы ж в одном клубе. По идее, по сделкам у членов клуба приоритет. А я как начну с ним говорить… – Чибис аж рукой взмахнул от досады.

– Ну, – шмыгнул носом Никитич, который еще не вышел из образа простого охранника, – можем постараться сделать так, чтобы он сам с тобой на сделку идти не захотел.

– Слушай, – изогнул бровь Чибис, – а это ж идея!

– Идея! – довольно кивнул майор.

– Завтра обмозгуем, – ткнул друга в бок Чибис.

– И реализуем, – довольно кивнул майор.

Мужики тихо и довольно засмеялись, оглянулись. Над деревней медленно, но верно растекался вечер. Сильнее пахла сирень, щебетали вечерние птахи, выходили петь свои песни коты.

– Андрюш, Злата уже спать хочет, – окликнула мужа Марийка.

Мальчишки Соколовских, несмотря на позднее время, прыжками и короткими перебежками уже умотали в сторону родного дома. У забора Чибиса остались только Никитич с Марийкой, да их девочки. Ну и сам хозяин с женой. Гостей провожали. Да отчего-то в свой дом возвращаться не спешили.

Соколовский поднял свою Золотиночку на руки. Женечка и так уже у него на предплечье сидела и тихонько сопела. То ли дремала, то ли разговоры слушала.

Майор как-то исхитрился пожать руку другу и отчалил домой.

А Чибис вернулся в свой дом. В котором его ждал мутный и непонятный гость.

.

Утро в доме мультимиллионера Чибиса началось почти как обычно.

Ленка, сонная, мягкая, чуть растрепанная, стояла на кухне, словно центр циклона. Она нарезала хлеб, заваривала чай

с лимоном именно так, как Юра любил, раскладывала по ломтям хлеба колбасу.

А вокруг нее носился Чибис.

Воздух был пропитан азартом, предвкушением и хорошим настроением.

За окном еще держался молочный туман, но Верхние Долы уже не спали. Где-то хлопали калитки, переговаривались мужики, звякали ведра, и с улицы доносилось бодрое: «Петрович, червей не забудь!»

День рыбака начинался раньше дня светового, и шумели мужики не хуже утренних петухов.

Бизнесмен списка «Форбс» Чибис Юрий Петрович, не вынимая наушника, в котором его партнер из Красноярска как раз обсуждал важные переговоры с японцами, носился по кухне и собирал все для рыбалки…

– Подсачек взял. Крючки взял. Нож взял… Ага, ага, говори, я тебя слушаю!

Подхватил сумку, поцеловал жену, взял термос, поставил сумку, выругался…

– Да нет, это я не тебе! – громко в микрофон. – Лен, подкормка где? – шепотом жене.

По лестнице сбежала совсем не сонная, а уже полностью готовая Надюшка.

С каждым годом она становилась все более похожей на отца. Причем не только чертами лица или взглядом, или манерой говорить.

Надя как самый верный друг сопровождала отца во всех его затеях, которые мог осмыслить ее детский ум: от поездки на завод с инспекцией конвейера до разбора специфической лексики с переговоров с корейцами.

– Готова?! – улыбнулся Юрий. – Пошли!

– Стойте! – воскликнула Ленка. – Гостя-то твоего!..

– А…

Улыбка растаяла на лице Чибиса.

Но тут же вспомнил вчерашний заговор у калитки: Никитич обещал помочь сделать так, чтобы Зарядьев сам передумал лезть в сделку.

И настроение у Чибиса чуть поправилось.

В конце концов, рыбалка – прекрасное место, чтобы человек понял: он здесь лишний.

День обещал быть интересным!

– Гость у себя? – уточнил он у охранника в коридоре.

– Вечером зашел в спальню и больше не выходил, – как положено, по форме, доложил эсбэшник. – Камерами движений не зафиксировано.

Чибис выдохнул, как перед прыжком в воду, взлетел по лестнице…

– Олег! – постучал он в дверь.

Ответом ему была тишина.

Не, ну как тишина. Было слышно, как на улице птицы поют. Было слышно, как внизу женщины возятся, но в комнате никого не было слышно.

– Олег! Подъем! Рыба ждать не любит!

Тишина.

Чибис усмехнулся.

– У нас тут туман уже рассеивается, а ты, считай, государственную программу по вылову карася срываешь.

Из гостевой спальни по-прежнему никто не отзывался.

– Эй! – чуть с раздражением окликнул гостя Чибис. – Ты там живой?

Стукнул по двери чуть сильнее, зачем-то схватился за ручку и…

Дверь сама по себе открылась…

Чибис замер, смущенный и пораженный.

Заправленная постель, нетронутый графин с водой на тумбе, опущенные занавески…

Олега Зарядьева в комнате не было.

.

Глава 5

Тонкая молочная дымка над водой едва подрагивала, словно река дышала во сне и вот-вот собиралась проснуться.

Тишина стояла такая, что слышно было, как где-то в камышах лениво щелкает клювом кулик, как с берега срывается капля росы и падает в траву, как осторожно, почти виновато, шевелится поплавок.

– Слушай, ну, наверное, он понял, что тут ему не рады, – сипло, почти беззвучно прохрипел Никитич.

Стоял он у самой кромки воды, в старых сапогах, в защитной куртке и с выражением лица человека, которому вот прямо сейчас от жизни больше ничего не надо.

Только в руках он держал не удочку, а Женечку.

А вот уже Женечка вцепилась обеими ручонками в рукоятку из натурального бамбука. Сидела у него на руках серьезная, сосредоточенная, нахмуренная. И оба они – отец и дочь – не сводили глаз с поплавка.

– Странно как-то, – так же тихо просипел в ответ Чибис.

Человек, который мог купить себе пруд, рыбу, рыбаков, берег, облака над берегом и, наверное, кусок горизонта в придачу, сейчас держал в руках удочку и азартно переминался с ноги на ногу.

Все деревенские мужики, которые на улицах могли перекрикиваться так, что в соседнем селе собаки просыпались, у

воды разговаривали даже не шепотом, а еле заметным движением губ.

Рыбалка есть рыбалка.

Тут либо уважай тишину, либо иди к бабам картошку чистить.

– Что ты думаешь, я раньше себя так не вел? – Чибис скосил глаза на Никитича, но головы не повернул. – Ну чтобы ему понятно было?

– Ну, с охранником за один стол не сажал, – чуть зло ухмыльнулся Никитич.

Чибис промолчал.

Только губы его тоже растянулись в отнюдь не доброй усмешке.

Олег Зарядьев, московский деловой красавец с безупречной прической, дорогими часами и взглядом человека, которому все вокруг должны, определенно не пришелся Верхним Долам ко двору.

Не вписался.

Верхние Долы таких чувствовали нутром.

Тут могли простить грубость, бедность, глупость, пьянство, даже лишнюю женолюбивость, если человек потом честно получал по морде и каялся. Но вот двойное дно деревня не прощала никогда.

– Ну и к черту его! – наконец выдохнул Юрка.

– Не поминай, не к добру, – отчего-то серьезно отмахнулся Никитич.

Чибис кивнул.

Только кивка этого никто не заметил.

Все по-прежнему смотрели исключительно на свои поплавки.

Никитич аккуратно коснулся носом виска дочери.

– Вот, Женек, – прошептал он, потому что на рыбалке даже с ребенком надо говорить шепотом. – Видишь? Поплавок не просто так стоит. Он думает.

Женечка не ответила.

Только чуть-чуть нахмурила нос.

– Рыба тоже думает, – проникновенно продолжил Никитич. – Но хуже нас.

Женечка медленно повернула к нему голову.

В ее взгляде было столько сомнения, что Никитич даже кашлянул.

– Ну… обычно хуже, – поправился он. – Бывают исключения.

Чибис, слышавший этот разговор, сипло закашлялся, пряча улыбку.

И тут за спиной раздалось:

– Майор!

Никитич дернулся так, будто ему в сапог ледяной воды плеснули.

– Майор, ты мне по старой дружбе не поможешь?

Все очарование рыбалки рассыпалось.

Никитич нервно оглянулся.

Митяй.

Тот самый Митяй, которого до встречи с Марийкой вся деревня считала безнадежным ловеласом, а после встречи с Марийкой – просто счастливчиком, чудом оставшимся живым.

Никитич Митяя не любил.

Во-первых, за прошлое.

Во-вторых, за то, что однажды пришел домой и застал этого смазливого паразита со спущенными штанами.

В-третьих, потому что первые два пункта были более чем достаточны.

Митяй о нелюбви майора знал. Поэтому зря Никитича не трогал. А если уж трогал, то сразу выглядел так, будто пришел не просить, а завещание составлять.

– Чего тебе? – не очень дружелюбно огрызнулся Соколовский.

– Андрей Никитич, лестница у меня пропала, – умудрился прохныкать шепотом Митяй.

Никитич медленно моргнул.

– Лестница?

– Ага.

– Ты сейчас серьезно?

– Так жалко, блин! – Митяй прижал ладонь к груди. – Сам делал! Длинная! Тонкая! Ладная такая! Не лестница, а песня. Я ее под себя строгал. Каждую перекладинку руками…

– Митяй, – опасно тихо сказал Никитич.

– Что?

– Я с дочкой рыбу ловлю.

Митяй посмотрел на Женечку.

Женечка посмотрела на Митяя.

И почему-то именно после этого взгляда Митяй заметно стушевался.

– Так я ж понимаю, – закивал он. – Дело святое. Но лестница-то хорошая была. Длинная. Ежели кто спер, так это ж…

– Не видел я твою лестницу, – фыркнул Никитич.

– Ну если вдруг…

– Не мешай, – вдруг напрягся Никитич. – Клюет.

В одно мгновение он забыл и про Митяя, и про лестницу, и про Зарядьева, и даже про то, что Чибис стоит рядом и дышит ему почти в ухо.

Поплавок дрогнул.

Потом еще раз.

Пошел в сторону, остановился, будто передумал, и вдруг нырнул.

Никитич аж присел в азарте, подался вперед, крепче обхватил Женечку одной рукой, второй помогая ей держать удочку.

– Давай, дорогой… давай… – подначивал он рыбу. – Не мудри. Мы ж по-хорошему…

Женечка засопела. Маленькие пальцы побелели от напряжения. Удилище мелко дрожало в ее руках.

– Вот сейчас, – выдохнул Никитич. – Сейчас… сейчас…

Резкий рывок в сторону!

– Бери! – сорвался майор.

Женечка дернула удочку вверх.

И над водой, сверкая мокрым темным боком, взмыл шикарный, крупный, жирный налим.

На мгновение он оказался выше камышей, выше поплавка, выше всех человеческих тревог и разговоров. Настоящий речной трофей. Царь ночной воды. Скользкий, важный, живой.

– О-о-о! – восхищенно выдохнул Чибис.

Митяй даже забыл про лестницу.

– Держи! – Никитич перехватил древко удочки, – Давай! Есть! – выкрикнул уже в полный голос, – Взяли! Есть! – чуть не запрыгал он, когда налим оказался на берегу.

– Же-не-чка! – потряхивал он дочь, изумленно и восхищенно распахнувшую рот.

– Ну Женечка, ну молодец! – хохотал рядом Чибис.

– Первый налим на деревне! – довольный Никитич подхватил добычу дочери под жабры, – Эй! Слышите! – он рванул к берегу, туда, где стояли столы, – Налим! Женя достала!

– Смотри, какой жирный!

– Да красавец!

– Не уж-то сама?!

Соколовский, довольный и счастливый, подпрыгивая несся к котлам.

Налим в его руках подрагивал, изгибаясь. Почти так же,

вцепившись в плечо отца, подрагивала довольная Женечка!

– Дочери первый приз за рыбу!

– Однозначно! – ахали вокруг.

– Молодца!

– А…

И тут восхищенные возгласы прервал сухой, будто уже уставший голос.

– Кто тут Чибис Юрий Петрович?

Юрка недоуменно обернулся.

Полиция?

К столам подходили двое в форме и один молодой, слишком уверенный в себе лейтенант с лицом человека, которому заранее не нравились все присутствующие.

– Ну я, – пожал плечами Чибис. – А что?

Лейтенант шагнул ближе, распахнул удостоверение.

– Вы задержаны.

Над берегом в ту же секунду воцарилась совсем другая тишина.

Не рыбацкая.

Не утренняя.

Не деревенская.

Тяжелая.

Глухая.

Такая, в которой даже камыши перестают шептаться.

Чибис моргнул.

– В смысле «задержан»?

– В связи с исчезновением Олега Зарядьева, – громко и отчетливо произнес лейтенант.

Никитич не двинулся.

Только взгляд его стал тяжелым и холодным.

.

Глава 6

Праздник не закончился.

Нет.

Он словно отступил.

И рыбу еще ловили, и уху варили, и кто-то даже спорил у дальнего стола, сколько соли надо в котел, если рыба речная, а картошка молодая. Но все вдруг стало странно далеко.

Будто праздник остался там, в солнечном пятне у воды, а здесь, возле Чибиса, даже воздух сделался другим.

Плотнее.

Холоднее.

Даже налим больше никого не радовал.

Ни Никитича.

Ни Женечку.

Девочка стояла рядом с отцом, держась за его куртку, и серьезно смотрела на странную троицу, неизвестно что требующую от близкого, почти родного им человека.

– С каким исчезновением? – нахмурился Чибис.

– Вы знаете, где находится Олег Зарядьев? – строго спросил лейтенантик, старательно отпускавший жиденькие усы.

Видимо, чтобы выглядеть старше.

Не помогало.

Усы делали его не старше, а злее. Как подростка, которому наконец выдали форму, папку и право говорить взрослым

людям неприятные вещи.

– Нет, – пожал плечами Чибис. – Ну он же взрослый мужик, а я ему не нянька.

Юрка скривился.

Он-то с утра успел обрадоваться, что спальня в его доме оказалась пуста. А оно вон как.

– Нам поступило заявление, – чуть надменно начал лейтенант.

Он раскрыл бумаги, откашлялся и прочитал:

– От Степаненко Елены Ивановны.

Поднял взгляд.

– Секретарша его.

И не выдержал – пошленько ухмыльнулся.

– Личный помощник, – поправил один из мужчин постарше, стоявший рядом с ним.

– Личный помощник, – нехотя повторил лейтенант, но ухмылку не убрал. – О том, что Зарядьев Олег Дмитриевич не выходит на связь уже более трех суток.

– Так, может, он с ней не выходит, – вмешался Никитич, – а с остальными выходит.

– Ни с кем не выходит! – грубо отрезал лейтенант.

И тут же сделал вид, что не испугался взгляда, которым наградил его майор.

Получилось плохо.

– А средства навигации, – лейтенант снова заглянул в бумаги, явно напрягся, потому что фраза была длинная и

неудобная, – умные часы хэ-си двенадцать показывают с точностью до метра, что Олег Зарядьев находится в точке с координатами…

Он набрал в легкие воздух, посмотрел на цифры, понял, что сейчас может сам себя погубить, и раздраженно отмахнулся.

– В общем, у вас в доме! – мотнул он рукой в сторону Чибиса.

– Нет его там, – хмыкнул Юрка. – У меня камеры повсюду.

– Камеры тоже посмотрим, – сухо сказал мужчина постарше.

Вот он уже был опаснее.

Не лейтенантик с усами, а этот. Невысокий, крепко сбитый, с тяжелым взглядом и лицом человека, который давно перестал удивляться чему бы то ни было.

– Можем досмотреть? – почти с интересом поинтересовался лейтенант.

Слово «досмотреть» он произнес так, будто давно мечтал произнести его именно здесь. При людях. При столах. При Чибисе.

Юрка посмотрел на него, потом на второго, старшего, потом оглянулся на Никитича.

Во взгляде у Чибиса не было страха.

Только раздражение.

И легкое недоумение человека, который еще не понял, что в его жизнь уже вошли не с проверкой.

С обыском.

– Безусловно, – кивнул Чибис, оглянулся на Никитича и шагнул вперед.

Прочь от реки.

.

Конечно, Чибис первым делом вызвал адвокатов.

Московские стряпчие из последних сил неслись по пробкам к вертолетной площадке, одновременно ругаясь, запрашивая материалы, звоня каким-то помощникам, требуя поднять договоры, переписку и «немедленно выяснить, какого черта вообще происходит».

Да, крылатая машина сокращала дорогу с двух часов до двадцати минут.

Если могла взлететь сразу.

Адвокаты пока не могли.

Потому что Москва, как всегда, стояла.

А Чибис, нахмурившись, стоял посреди собственной гостиной, сложив руки на груди и опустив подбородок. В своем доме. На своем паркете. Под собственной люстрой. И чувствовал себя человеком, которого аккуратно, вежливо, по инструкции вытесняют из его же жизни.

– Я вам еще раз повторяю, – сдержанно, но уже зло произнес он, – Зарядьев ушел в спальню в двадцать три двенадцать. Есть же запись. Он вошел в комнату. После этого его никто не видел.

– Поправочка! – довольно поднял палец лейтенант. – На

камерах нет никого, кто бы его видел.

Чибис медленно закрыл глаза.

Потом открыл.

Потом посмотрел в потолок с таким выражением, будто просил у высших сил не справедливости даже, а терпения. Просто терпения. Хоть ложечку.

– То есть если человек вошел в комнату, а потом не вышел на камеры, вы делаете вывод, что я его похитил? – уточнил Юрка.

– Мы делаем выводы по совокупности обстоятельств, – важно ответил лейтенант.

С жиденькими усами и папкой в руках он явно чувствовал себя не просто представителем закона, а почти исторической личностью.

Чибис на это только закатил глаза.

И снова посмотрел на часы.

Адвокатов не было.

– Так, – лейтенант обернулся к своим. – Мы совершенно точно установили, что это последнее место, где видели Олега Дмитриевича Зарядьева. Следовательно, имеются основания для проведения обыска.

– Осмотра, – поправил его Чибис.

Лейтенант нехорошо улыбнулся.

– Пока осмотра.

– Ага, – мрачно сказал Чибис. – Очень обнадеживает.

– Найдите понятых, – распорядился лейтенант, уже не

слушая хозяина дома.

Понятых нашли быстро.

В дом, словно бы неуверенным шагом, вошли Никитич и Евген.

Коротко кивнули хозяину.

Чибис едва заметно выдохнул.

Не улыбнулся. Не расслабился. Но взгляд у него на мгновение стал чуть живее.

Никитич сделал вид, что впервые видит этот дом и теперь, конечно, поражен до глубины души. Медленно оглядел просторную гостиную, дорогую лестницу, панорамные окна, камин, у которого на коврике валялась Златина мягкая утка.

Евген тоже добросовестно сыграл понятого из народа: чуть приподнял брови, скользнул взглядом по люстре, по картинам, по мраморной столешнице.

Лейтенант, заметив эти наигранно завистливые взгляды, довольно хмыкнул.

Никитич опустил глаза.

Евген кашлянул.

– Пройдемте, – сказал лейтенант. – Последний раз пропавшего видели наверху.

– У меня камеры есть, – в сотый раз повторил Чибис. – Записи вам предоставлены.

– Мы в курсе.

– Тогда вы в курсе, что никто его не выносил.

– Камеры покрывают не все внутренние помещения, – с

удовольствием сообщил лейтенант.

– Потому что у меня дом, а не следственный изолятор.

– Пока да, – пробормотал тот себе под нос.

Никитич медленно поднял на него взгляд.

Лейтенант осекся.

Они поднялись на второй этаж.

В коридоре было тихо. Слишком тихо для дома, где обычно жила маленькая Надя, носилась Ленка, звонили телефоны, хлопали двери и Чибис громко решал миллиардные вопросы, одновременно пытаясь найти детскую игрушку.

Дверь гостевой спальни была приоткрыта.

– Здесь, – коротко сказал Чибис.

Комната выглядела безупречно.

Нейтральные серые стены, тяжелые зеленые портьеры, встроенный шкаф, небольшой письменный стол у окна, кресло с аккуратно перекинутым пледом и полутораспальная кровать, заправленная ровно, почти по-армейски.

– В комнате убирались? – недовольно уточнил лейтенант.

– Еще нет, – пожал плечами Чибис. – На празднике все. Горничная приходит после обеда.

– Странно чисто.

– Простите, что у меня не свинарник, – устало ответил Юрка.

Никитич не отрываясь смотрел на комнату.

Слишком чисто.

Слишком ровно.

Слишком готово к тому, чтобы в ней что-нибудь нашли.

Евген, стоявший рядом, едва заметно повел плечом. Он тоже это видел.

Лейтенант натянул перчатки, достал ультрафиолетовый фонарик.

Сделал это торжественно.

Как фокусник, достающий голубя.

– На постели следов органических веществ не обнаружено, – проговорил он, будто диктовал протокол невидимому секретарю. – На покрывале видимых загрязнений нет… Подушки чистые… Матрас…

Он провел синим лучом по кровати, по тумбочке, по ножкам стола.

Потом свет скользнул ниже.

К полу.

К краю ковра.

– О! – вдруг резко сказал лейтенант. – Стоп.

В комнате будто щелкнул невидимый замок.

Все замерли.

Фонарь выхватил странное пятно на полу. Почти у самого ковра. Неровное, расплывчатое, будто кто-то когда-то пролил что-то темное, а потом долго и старательно оттирал.

Лейтенант, словно гончая, почуявшая след, упал на колени и поднял край ковра.

Синий луч дрогнул.

Под ковром пятно продолжалось.

Больше.

Гуще.

Никитич и Евген переглянулись.

На долю секунды.

Но этой доли хватило.

Пятно действительно было обширным.

И действительно выглядело так, словно его замывали.

– Кровь! – почти радостно выкрикнул лейтенант. – Замытая кровь!

– Предварительно, – сухо сказал Евген.

Лейтенант резко обернулся.

– Что?

– Предварительно, говорю, – Евген невинно поднял брови. – Вы же еще экспертизу не провели.

Лейтенант поджал губы.

– Предварительно, – процедил он, явно не желая отдавать свое открытие на растерзание каким-то умникам. – Следы, похожие на замытую кровь.

– Уже лучше, – тихо буркнул Никитич.

Чибис стоял неподвижно.

И вот теперь в его лице что-то изменилось.

До этой секунды он злился. Раздражался. Ждал адвокатов. Считал происходящее неприятным, но поправимым бредом.

Теперь он смотрел на пятно под ковром и понимал: это не бред. Это подстава.

– Этого здесь не было, – сказал он.

Лейтенант поднялся с колен с таким видом, будто получил подарок на день рождения.

– Конечно.

– Вы меня слышали? – Чибис повернулся к нему всем корпусом. – Этого здесь не было.

– Та-а-ак, – протянул лейтенант, уже почти не скрывая удовольствия.

Он снова опустился на четвереньки и повел синим лучом дальше, под кровать.

Свет скользнул по полу, по пыли у дальней ножки, по темному пространству между стеной и каркасом.

И вдруг остановился.

– А вот и те самые часы, – выдохнул лейтенант.

Он нырнул рукой под кровать и вытащил черные электронные часы с широким ремешком.

Ремешок был лопнувший.

Будто часы сорвали с руки рывком.

Лейтенант поднялся с колен крайне довольный собой. Держал находку на раскрытой ладони в перчатке, как охотник держит добычу.

– Ремешок сломан, – торжественно произнес он. – Будто была борьба.

– Будто кто-то сломал ремешок, – тихо поправил Никитич.

– Что?

– Я говорю, мы видим только то, что ремешок сломан, – майор смотрел на часы тяжелым взглядом. – Борьба – это уже ваша художественная самодеятельность.

Лейтенант покраснел.

– Вы здесь понятой, а не эксперт.

– Вотименно поэтому я внимательно смотрю, что вы говорите и что фиксируете, – спокойно ответил Никитич.

На секунду в комнате стало совсем тихо.

Чибис перевел взгляд на Никитича.

– Чибис Юрий Петрович… – начал лейтенант.

И в этот момент снизу раздались быстрые шаги.

Кто-то громко, с московской злостью и московской же усталостью сказал:

– Где он? Кто старший? На каком основании проводится следственное действие без защитника?

В комнату почти влетели двое мужчин в темных костюмах.

Запыхавшиеся.

Взъерошенные.

С лицами людей, которые ехали, бежали, летели и все равно опоздали ровно на то, на что опаздывать было нельзя.

Московские адвокаты.

Лейтенант выпрямился.

В глазах у него мелькнуло торжество. Мелкое, неприятное, почти детское.

Он словно наслаждался тем, что успел произнести это до

того, как взрослые московские юристы отберут у него сцену.

– Чибис Юрий Петрович, – громко, отчетливо сказал лейтенант. – Вы задержаны по подозрению в убийстве Олега Дмитриевича Зарядьева.

.

Глава 7

– Руки за спину! Лицом к машине!

Вот тут у Ленки что-то внутри и оборвалось.

Ни добропорядочность, ни репутация мецената, ни построенная на его деньги церковь, ни стоящие рядом московские адвокаты с лицами людей, привыкших решать проблемы звонком в нужный кабинет, не могли повлиять на главное.

Чибиса забирали.

Ему даже переодеться не дали.

Вот в этой мягкой рыбацкой рубахе, в старых штанах, в сапогах, еще перепачканных речной глиной, вот так и забирали.

Как бродягу.

Как преступника.

И от этого было особенно страшно.

– Вы имеете право на один телефонный звонок, – с неприятной ухмылкой произнес лейтенант, косясь на адвокатов.

Сказал вроде бы по закону.

А вышло – с удовольствием.

– Какое СИЗО? – сипло спросил один из адвокатов.

Все трое московских юристов стояли с очень мрачными и очень серьезными лицами. Уже не спорили на повышенных тонах, не давили статусом, не требовали «немедленно пре-

кратить». Понимали: формально все сделано правильно.

Вот что было хуже всего.

Буква закона соблюдена.

– Юрий Петрович, мы свяжемся с вами сегодня же! – выкрикнул второй адвокат. – Ничего не подписывайте без нас!

Но Чибис смотрел не на них.

На Ленку.

Она стояла у ворот белая, как полотно, прижимала ладонь к перекошенному рту и не издавала ни звука. Глаза огромные. Пустые. Неверящие.

Будто мозг еще не пустил внутрь происходящее.

Будто если не закричать, не задышать, не пошевелиться, то сейчас все отмотается назад: Юрка вернется к столам, налим окажется в тазу, уха закипит, дед Витя опять начнет рассказывать, как в семьдесят восьмом вытаскивали «во-о-от такого».

– Лена! – громко сказал Чибис. – Все будет хорошо, слышишь? Лена!

Она вздрогнула.

– Позвони Юльке. Слышишь? С тобой адвокаты. На фирме управляющие, они все знают. За дела не волнуйся. Я выйду. Скоро выйду. Лена!

На словах «скоро выйду» лейтенант улыбнулся.

Мерзко.

Криво.

Одним уголком губ.

Может, другой бы и не заметил.

Но Евген увидел.

И майор увидел.

Они стояли чуть в стороне. Оба мрачные, собранные. Фигуры их были неподвижны, а взгляды при этом тяжелые, мрачные.

Кто-то из полицейских, поморщившись, втолкнул Чибиса в машину.

Лейтенант еще раз окинул всех взглядом. Не просто злым – победным. Будто не человека увозил, а медаль себе на грудь примерял.

Потом молча захлопнул дверцу.

Надя, до этого державшаяся из последних детских сил, вдруг запищала на одной ноте, сжавшись в комочек.

Ленка разрыдалась так, будто ее ударили под дых.

Марийка подхватила ее, стиснула в объятиях, не дала ни упасть, ни рвануться к машине.

– Тихо, Ленка! Тихо, родная! Дыши! Слышишь, дыши!

Дарья Сергеевна, появившаяся рядом как всеобщая Мэри Поппинс, сгребла в кучу всех детей разом.

– Так! Все малолетние граждане немедленно идут в дом! Саша, не спорить! Леша, палку бросить! Миша, кошку из-под футболки вынуть! Надежда Юрьевна, ко мне!

– Мама-а-а… – тонко всхлипнула Надя.

– Маму тоже сейчас приведем, – железно отрезала Дарья Сергеевна, но прижала девочку к себе мягче.

А Никитич с Евгеном все стояли, как два памятника, и тяжелыми взглядами провожали отъезжающую машину.

Эти двое молчали.

Да им и не надо было говорить.

Они уже все сказали друг другу взглядами. Там, наверху. В спальне.

Кровь под ковром.

Часы под кроватью.

Ремешок лопнувший.

Слишком легко нашли.

Слишком быстро обрадовались.

Слишком правильно все легло в дело.

Никитич скривился и последний раз поднял взгляд на окна второго этажа.

– Очень профессионально, – выдавил из себя Евген.

– Работаем, боец, – просипел Никитич и шагнул в сторону от дороги.

Санька, когда-то служивший у Соколовского, а теперь возглавлявший службу безопасности у Чибиса, стоял возле калитки с лицом человека, которого сейчас держит на месте только военная выучка. Смотрел, как полиция выставляет оцепление вокруг дома, и в глазах у него было такое бешенство, что лейтенанту лучше было не попадаться под руку без свидетелей.

– Все видеозаписи изъяли, – тихо сказал он Никитичу, даже не здороваясь.

– Так ли уж все? – хмыкнул майор.

Санька впервые за последнее время чуть ожил.

– Ну вы же знаете, что мы бэкап серверов каждый день делаем.

– Знаю, – кивнул Никитич. – Собрать все записи. Дом, периметр, подъезды, дорога, соседские камеры, регистраторы охраны. С того дня, как этот Зарядьев тут появился первый раз.

– Уже, – коротко ответил Санька.

– Евген.

– Я понял, – отозвался Расков.

– На отсмотр. Сань, поставь парней так, чтобы они смотрели за этими оцепляющими. Не лезли, не мешали, но чтобы каждый их шаг был на виду.

Санька скосил взгляд на полицейских.

– Думаете, могут что-то еще подкинуть?

– Я думаю, что они слишком быстро сработали, – мрачно ответил Никитич. – А когда люди слишком быстро срабатывают, значит, либо очень умные, либо заранее знали, куда бежать.

– Либо им показали, – тихо добавил Евген.

Никитич кивнул.

– Вот это и выясним.

Мужчины, хоть формально давно уже не числились у него в подчинении, кивнули привычно, почти синхронно, и разошлись исполнять.

Евген нашел взглядом жену.

Дарья Сергеевна, уже ведущая детей к дому Соколовских, обернулась. Расков едва заметно показал глазами на камеры. Потом на оцепление. Потом на детей.

Дарья Сергеевна поняла все.

Не даром была замужем за одним из лучших аналитиков Никитича.

Она только поджала губы, крепче перехватила Надю и властно погнала детский табун прочь от ворот.

– Шагом! Не толкаться! Кто обернется – будет есть манную кашу без варенья!

Угроза была страшная.

Дети пошли быстрее.

Никитич направился к жене.

Сделал пару шагов и замер.

Марийка, увидев мужа, едва заметно, но совершенно ясно покачала головой.

Не сейчас.

Она сидела прямо на траве, обнимая осевшую Ленку. Та уже не кричала. Рыдала безудержно, по-бабьи, захлебываясь, пряча лицо в Марийкиной груди.

– Мария… Маш… – почти бессвязно бормотала Ленка. – Как же так, Маш? За что это? Он же церковь построил… Он же хороший… Самый лучший… Он же Надю на руках носит… Он же…

– Чибисиха, ну-ка прекрати! – встряхнула ее Марийка. –

Ты чего его как покойника оплакиваешь? Живой твой Юрка! Слышишь? Живой! И злой. А злой Чибис – это, между прочим, стихийное бедствие федерального значения. Разберутся.

– Не разберутся, – всхлипнула Ленка. – Они же так смотрели… Они уже решили…

– Мужики взялись, – твердо сказала Марийка. – Андрей взялся. Евген взялся. Санька ваш там сейчас всех на уши поставит. Не хорони раньше времени.

Ленка подняла на нее растерянный, почти испуганный взгляд.

– Марий…

– Что?

– Ты только никому не говори.

Марийка нахмурилась.

– Что не говорить?

Ленка будто хотела сказать словами, но не смогла.

Только медленно, растерянно и очень красноречиво прижала обе ладони к животу.

Марийка застыла.

Прямо вся.

На секунду у нее даже лицо стало пустым, как у человека, которому в руки дали не чашку, а гранату с выдернутой чекой.

– Ленка… – выдохнула она.

– Юра еще не знает, – прошептала та. – Я сегодня хотела.

После праздника. Думала, уха будет… Надя… рыба… все смеяться будут… Я ему скажу, он обрадуется… Маш, только никому. Пожалуйста. Даже Андрею пока не говори.

Марийка сглотнула. Притянула подругу к себе порывисто. Обняла ее крепче.

– Конечно, молчу!

И сама себе не поверила.

Потому что были вещи, которые можно было не говорить мужу. Мужу. Но не следователю по особо важным…

Никитич, растерянный и оттого очень злой, широким шагом шел к своему дому.

Ему надо было переодеться. Штаны намокли, пока они с Женечкой вытаскивали налима. В сапогах хлюпало. Куртка пахла рекой, рыбой и чужой бедой.

Еще надо было найти Михайловского.

Георгий Саныч был где-то здесь же. По последним данным, поймал карасей меньше собственной жены, так что шанс вытащить его с реки, не вступая в длительные переговоры с его рыбацким самолюбием, все еще имелся.

А Михайловский сейчас был нужен.

Не как бонвиван с дорогими снастями.

Как человек с длинными руками, короткими звонками и возможностью достать информацию там, где обычным людям отвечают: «Оставьте письменный запрос».

– Майор! – вдруг окликнул его голос сбоку.

Никитич даже не остановился.

– Митяй, не до тебя сейчас.

– Да ты послушай!

– Мить, – раздраженно скривился Соколовский, – у меня человека увезли по убийству. Какая бы баба тебя ни проклялла, переждешь.

– Да не баба! – Митяй даже подбежал и дернул его за рукав. – Ты послушай! Тут такое дело… Моя лестница…

Никитич остановился так резко, что Митяй едва не ткнулся ему носом в плечо.

– Ты издеваешься?

– Нет, – побледнел тот. – Майор, ты только послушай… Лестница ж…

.

***

В суматохе никто не заметил, что маленькая Женечка отбилась от толпы детей.

Надя плакала на руках у Дарьи Сергеевны, окруженная мальчишками. Ленка плакала в объятиях Марийки. Мужики думали, как по-нормальному осмотреть уже опечатанный дом. Полицейские ставили оцепление с таким видом, будто охраняли не чужую беду, а собственное служебное рвение.

А Женечка ушла.

Тихо.

Незаметно.

Совершенно неслышно.

Как умеют уходить только маленькие дети, когда взрос-

лым кажется, что они «вот же тут, рядом».

Она пошла в сад.

Ровно туда, где недавно вместе с братьями ползла за клубникой. Где земля была теплая, грядки низкие, листья пахли солнцем, а ягоды прятались так хитро, будто тоже играли в сыщиков.

Женечка присела на корточки.

Почти в ту же позу, в которой тогда дергала Сашку за штанину, потому что тот не видел самого главного.

Она снова смотрела наверх.

Туда, где три ночи назад стоял охранник с рацией.

Тогда маленький огонек мигнул над садом, все засмеялись, разбежались.

Сейчас охранника не было.

Но Женечка взгляд не отводила. И смотрела она точно туда же, куда смотрела тем веселым вечером, когда они с братьями ползли за клубникой, а папа с дядей Юрой готовили снасти.

Только смотрела она не на человека.

Маленькая молчаливая Женечка смотрела точно на фасад дома Чибиса.

На окна гостевой спальни.

На зеленые портьеры.

На карниз.

Женечка молча смотрела.

Потом медленно опустила глаза.

У стены, в траве, что-то тускло блеснуло.
Маленькое.
Почти незаметное.
Женечка протянула руку.
И в этот момент за ее спиной хрустнула ветка.
.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.